

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

Л. АКСЕЛЬРОД-ОРТОДОКС. Карл Маркс как философ. Г. Баммель.

Л. АКСЕЛЬРОД-ОРТОДОКС. Карл Маркс как философ. Главполитпросвет Издательство «Путь Просвещения» при Н. К. П. У. С. С. Р. Харьков. 1924. Стр. 79.

Кому приходилось работать в литературных кружках, в «цехах поэтов», или кому приходилось читать лекции по поэтике, тому хорошо знакома одна очень распространенная отрицательная особенность стихов молодых поэтов. Стихотворение само по себе — как стихотворение: звуковая сторона—богатая, техника и архитектоника целого — еще лучше, ритмика — великолепна, словарь и фактура—свежи и выразительны. Но все это лишено живого внутреннего единства: или стихотворение целиком раскрыто и «дается» в первых двух-трех строчках, и сколько бы автор не писал дальше, он бессилен дать что-либо большее, чем эти первые две-три строчки.— или же стихотворение под конец обрывается, «конец» притаскивается за волосы и «чувствуется», что, сколько бы автор ни «продолжал» дальше писать, он все равно бессилен «закончить», дать «разрешение» своей поэтической теме. Эти два недостатка поэтического отношения к вещам в сущности выражает один общий недостаток — неумение дать нечто цельное и органическое. Вот этим недостатком и грешит книжка (или, вернее, брошюра) почтенного автора. Достаточно прочесть первую статью, даже первые три-четыре страницы, чтобы получить представление о всей книге. И наоборот: достаточно прочесть последнюю статью (4-ую в книге), чтобы понять, почему такая книга в сущности не может быть закончена,— за *такой* последней статьей должна (именно должна) следовать новая «последняя» статья, за этой—еще одна, и т. д. до *бесконечности*. Когда я читал книжку, мне все время казалось, что я присутствую при произвольном раскручивании заведенного умственного аппа-

рата. Идеология, идеология и еще раз идеология—в этом вся беда! Когда цитируют произведения, между которыми—пространство десятилетий, когда одна цитата одной эпохи должна подтвердить цитату другой эпохи, а мировоззрение превращается в систему идей (только идей, философских идей),—тогда я не знаю, что здесь отнести на счет марксизма и что в марксизме можно отнести на счет философии. Что изложение марксизма не только ортодоксальнейшего из ортодоксальных социал-демократов (хотя бы Каутского первого периода), но и неокантианца Форлендера, написавшего несколько книг о Марксе как философе, ничуть не хуже изложения почтенной книжки, — это можно утверждать категорически. В самом деле, там, где не приходится философствовать, там, где нужно оставаться в пределах исторических фактов, «документальных» данных, «интеллектуальной биографии» и т. д. и пр. — в большинстве случаев у нас нет оснований не верить этим буржуазным писателям. Пример Густава Майера, буржуазного до мозга костей писателя, не единственный в этом роде. Но суть вопроса именно в том и состоит, что на все эти изложения *теперь* мы смотрим другими глазами. Те же самые книги Каутского, на которых мы учились, то же самое, ныне покойное, «*Neue Zeit*», на которое мы набрасывались когда-то с захватывающим интересом, — теперь *мы же*, в свете современного послеоктябрьского мира, научились проводить сквозь призму совершенно новых понятий и новых требований.

Книга состоит из четырех статей: «Действенность и диалектика в философии К. Маркса», «К. Маркс и немецкая классическая философия», «Теория стоимости и диалектический материализм» и «Карл Маркс и религия». Статьи эти написаны в разное время к различным юбилейным датам и трактуют в общем один и тот же сюжет: философию Карла Маркса.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Автор во всех статьях придерживается ортодоксальной марксистской точки зрения («ортодоксальной» в том смысле, в каком употребляли это слово известные круги социал-демократов, выступивших в 90-х годах против ревизионистов). Нельзя пройти мимо блестящего умения автора популярно разъяснять читателю сложнейшие философские вопросы. Правда, иногда кажется, что популярность изложения на протяжении 79 страниц покупается ценой чрезмерной, часто расплывчатой общности постановки вопроса («конечно, в самом сжатом виде» — стр. 65; «приблизительно» — стр. 10; «ограничусь краткими формулировками» — стр. 12; «этим объяснением указанное различие не исчерпывается» — стр. 18; «не думаю также определять размеры того огромного вклада, который внес Маркс» — стр. 8 и т. д.). Правда, иногда кажется, что популярность достигается своеобразным рефреном Марксовых цитат, отдельных положений, выводов и так далее (я не указываю точно этих повторений, так как читателю, думается, достаточно знать страницы, чтобы убедиться в этом; вот эти страницы: во-первых, 9 и 26; во-вторых, 15 и 29; в-третьих, 15 и 29—30; в-четвертых, 26 и 38; в-пятых, 8 и 39; в-шестых, 8, 39 и 41; в-седьмых, 9 и 43; в-восьмых, 15, 30 и 57 — 8. Но следует, конечно, иметь в виду, что книга составилась из отдельных статей, написанных в разное время (1907—1923 гг.), и автор представил вниманию читателя не книгу, а *сборник* статей. И если современный читатель, которого так трудно «взять на пушку», возразил бы, что, мол, тем хуже для автора, или какая цена такому сборнику, который не имеет

ничего внутренне-объединяющего и синтетического, то мы могли бы отпарировать это возражение словами многоуважаемого автора: «Полный и хотя бы более или менее исчерпывающий ответ на поставленный вопрос требует весьма сложного анализа, которым я надеюсь заняться в другом месте и в другой связи, а пока же ограничиваюсь сказанным» (sic!).

И, действительно, для первоначального знакомства с философией Маркса книжка Л. И. Аксельрод-Ортодокс незаменима. Мы ее горячо рекомендуем мало-подготовленному читателю. Строго говоря, тот общий и единственный недостаток, о котором мы говорили в самом начале, не имеет значения для этого читателя, мысль которого логически не дисциплинирована. Только постепенно научится он отбирать плевелы, шелуху, беллетристику от того, что ему нужно в марксизме для строительства новой жизни.

Но от Л. И. Аксельрод-Ортодокс, воспитавшей целое философское поколение, которое еще в университетах высоко держит знамя марксизма, иной читатель, который кое-чему научился в философии марксизма, ожидал бы нечто большее. После блестящих, сохранивших во всей их чистоте великие теоретические традиции одного из самых глубоких мыслителей нового времени, Г. В. Плеханова, сыгравших большую роль в деле защиты марксистского материализма—«Философских очерков»,—такому читателю придется, наверно, пожать плечами, а рецензенту обратиться за помощью к славному языку Эзопа.

Григорий Баммель.